

ISSN 0131 6222

4

1982

еВсё

Эйно КАРХУ

Эйно Генрихович КАРХУ родился в 1923 году в Ленинградской области. Автор восьми книг и многочисленных статей по истории финской литературы, финско-русским литературным связям, литературе советской Карелии. Доктор филологических наук. Член Союза писателей СССР. Живет в Петрозаводске.

ЛИТЕРАТУРА АКТИВНОГО ДЕЙСТВИЯ

(К 70-летию Эльви Синерво)

ЛИТЕРАТУРА Сопротивления — это понятие стало в нашей критике привычным и имеет значение устойчивого литературоведческого термина, вошедшего в энциклопедии и другие справочные издания.

Подразумевается родившаяся в годы второй мировой войны антифашистская литература, тесно связанная с героическим движением Сопротивления в оккупированных фашистами странах, а также в странах фашистской коалиции. В числе стран, где само движение Сопротивления и порожденная им литература получили значительное развитие, называют прежде всего Францию, Бельгию, Нидерланды, Данию, Норвегию, Чехословакию, Югославию, Польшу, Германию, Италию. Европейской литературе Сопротивления посвящены солидные исследования и сборники статей, изданы специальные антологии.

Но была ли литература Сопротивления в Финляндии?

Приходится начинать с вопроса по той причине, что об этом ничего практически не написано, во всяком случае критика в Финляндии и у нас, насколько мне известно, не выдвигала пока такой проблемы, и в готовом виде нет ни утвердительного, ни отрицательного ответа.

Конечно, известен сам факт, что в годы второй мировой войны в Финляндии, воевавшей на стороне гитлеровской Германии против Советского Союза, существовало антифашистское движение Сопротивления, хотя по ряду причин оно и не получило там столь широкого размаха, как в некоторых других европейских странах. Основными причинами этого были продолжительное господство в стране политического террора крайне правых сил и относительная слабость рабочего движения. Начиная с момента своего возникновения в 1918 году, Коммунистическая партия Финляндии находилась в подполье, демократиче-

ские организации подвергались преследованиям. И тем не менее антифашистскую борьбу в годы войны возглавила именно компартия. Были созданы подпольные типографии (в Хельсинки, Тампере, Турку), распространялись антифашистские газеты и листовки. Коммунисты стремились оказывать влияние и вовлекать в активную борьбу так называемых «лесогвардейцев», мужчин призывного возраста, уклонявшихся от мобилизации в армию и скрывавшихся в лесах (их было несколько тысяч, причем в своем отказе воевать они исходили из разных мотивов, в частности из религиозных убеждений, из чувства самосохранения, были среди них дезертиры с фронта и т. д.). Участники антивоенного подполья действовали в труднейших условиях, многие из них героически погибли в схватках с карательными полицейскими отрядами, были замучены в тюрьмах, приговорены к расстрелу. Известность получили имена таких мужественных героев финского Сопротивления, как Аатто Саллинен, Вейкко Пёюсти, Мартта Коскинен, отдавшие жизнь борьбе за справедливое дело. Сотни борцов-антифашистов находились во время войны в тюрьмах*.

Эта борьба не могла не найти хотя бы частичного отражения в литературе. Те левые писатели-антифашисты, которые в начале войны были брошены в тюрьмы, продолжали писать и там — на темы, связанные с антифашистской, антимилитаристской борьбой. Среди политических заключенных были также непрофессиональные поэты, сочинявшие стихи и песни, которые получали распространение в устной или рукописной форме и служили целям антифашистской борьбы. В финских

* Подробнее о борьбе Сопротивления в Финляндии см. главу В. Смирнова в книге коллектива авторов: «Антифашистское движение Сопротивления в странах Европы в годы второй мировой войны». М., 1962, с. 646—660.

условиях подобные произведения могли появиться в печати отдельными книгами только после войны. Сразу после войны вышли сборники тюремных стихов Арво Туртиайнена и Эльви Синерво, антивоенные произведения Пентти Хаанпяя, ряд дневниковых и мемуарных книг бывших политических заключенных (Хеллы Вуолиёки, Нестори Парккари и др.).

Также в последующие годы в финской литературе и литературной критике эпизодически возрождался интерес к событиям антифашистского Сопротивления. Одним из таких эпизодов был вышедший в 1972 году роман Ханну Салама с трудным переводимым пословичным заглавием «*Siinä näkijä missä tekijä*» (дословно: «Где что-то делают, там и подсматривают»). В романе повествуется о деятельности коммунистов-подпольщиков в районе Тампере во время войны. Салама — известный писатель, роман написан с печатью незаурядного таланта. Но в то же время, как отмечала в особенности левая критика, субъективистско-индивидуалистическая позиция автора привела к одностороннему раскрытию темы. Роман вызвал в финской печати продолжительную полемику как идеологического, так и литературно-эстетического характера. Роман и споры вокруг него побудили некоторых писателей обратиться к той же теме, но с других позиций. В 1974 году появилась документальная книга левого автора Калевы Сейлонена «Группа Сопротивления» («*Vastarintajoukko*»), написанная на основе рассказов-воспоминаний самих участников тамперского подполья.

Почти тогда же, в 1973 году, в Тампере был опубликован небольшой антологический сборник поэзии финского Сопротивления (под названием «*Vastarintataistelijä*» — «Борец Сопротивления»). В сборник вошли исключительно стихи и песни поэтов-непрофессионалов из числа самих участников подпольной борьбы, причем опять-таки преимущественно района Тампере. Авторы некоторых стихотворений составителям не удалось установить, и они просят содействия читателей, располагающих какими-либо сведениями.

Относящиеся к литературе Сопротивления произведения можно встретить и в ряде других левых изданий, например, в посмертно вышедшем сборнике писем, стихов и прозы Хертты Куусинен, известной деятельницы Коммунистической партии Финляндии.

Если учесть, что специально этой проблемой в Финляндии занимались недостаточно, можно полагать, что при должных усилиях в будущем может быть собран значительный новый и малоизвестный материал, имеющий прямое отношение к литературе антифашистского Сопротивления.

Но и тот материал, который уже известен, заслуживает со стороны литературной критики более внимательного и вдумчивого рассмотрения. Такую попытку я и намерен предпринять в отношении творчества Эльви Синерво.

Сегодня творчество Синерво, в особенности для молодых читателей, предстает уже историей — драматической и незабываемой, но историей. И по времени написания, и по своей проблематике главные ее книги связаны с тридцатыми — сороковыми годами, то есть периодом, для которого центральной задачей являлась борьба с фашизмом. В Финляндии и во всей Европе эта задача оставалась самой ак-

туальной и перед войной, и, естественно, во время войны, и затем после поражения гитлеровской коалиции, когда нужно было искоренять фашистское наследие. Впечатление исторической дистанции в случае с Синерво усиливается еще и потому, что с середины пятидесятих годов, точнее с 1956 года, когда вышла ее последняя книга, она больше уже не выступала с новыми произведениями. В дальнейшем она занималась исключительно художественными переводами и вот уже в течение четверти века работает в этой области очень интенсивно и высокопрофессионально (Р. Пальмгрен упоминает в одном из предисловий, что всего Синерво перевела около ста книг).

На интригующий вопрос, почему произошла такая переориентация литературных интересов, видимо, не может быть однозначного ответа. Подобные решения всегда являются очень личными и тайной тех, кто их принимает. Р. Пальмгрен, давний товарищ Синерво по левому литературному объединению «Кийла» и известный критик-марксист, считает, что ее решение было вызвано и лично-биографическими обстоятельствами, и довольно резким изменением общественно-литературной ситуации в Финляндии 50-х годов, в результате чего творчество Синерво и представляемое ею направление оказались временно отнесенными другими идейно-литературными течениями. Это звучит убедительно, особенно если добавить, что в самой писательской индивидуальности Синерво заключалось, видимо, нечто такое, что сделало из нее прежде всего борца-антифашиста и способствовало локализации ее творчества именно на периоде острейшей антифашистской борьбы. Не случайно в ее биографии период литературно-творческой активности был также периодом наивысшей ее общественно-политической активности.

Антифашистское движение Сопротивления предъявляло к литературе, к слову особые требования. Разумеется, уже очень давно в литературах разных народов, включая финскую, возникал в той или иной форме вопрос о социальной активности слова, о том, что слово должно быть также делом, поэт должен быть борцом, поэзия — боевой песней.

Но, пожалуй, никогда раньше от европейских народов не требовалось одновременно столь массовой героической активности, как в годы борьбы с фашизмом. И литературе Сопротивления надлежало быть прежде всего литературой активного действия — действия немедленного и неотложного. Для поэтов Сопротивления, для их сформированной суровой временем психологии совершенно естественна такая постановка вопроса: сначала они борцы, а потом уже поэты, — именно так возникал этот вопрос и перед Синерво.

Чтобы пояснить свою мысль и связать ее непосредственно с финскими делами, обратюсь к упомянутому антологическому сборнику «Борец Сопротивления» со стихами непрофессиональных поэтов, непосредственных участников подпольного движения. В кратком предисловии к сборнику совершенно в духе литературы Сопротивления отмечается, что «эти стихи писались не для буржуев и не для эстетов, уютно устроившихся с книжкой в мягком кресле. Эти стихи писались в спешке, часто по заказу газет или к собраниям, в следственных камерах охраны, в тюрьмах и концлагерях — для того, чтобы ободрить и вооду-

шевить товарищей в самые трудные минуты. Только духовно сильные, идейно стойкие люди могли выдержать все надругательства и пытки, сохранить душевное равновесие и нравственное здоровье. Многие борцы Сопротивления становились поэтами, чтобы своим ясным сознанием управлять нервными реакциями».

По сравнению с авторами, о которых шла речь выше, Эльви Синерво считала себя в гораздо большей степени профессиональным писателем. Но все же не настолько, чтобы и для нее главной профессией не представлялась практическая политическая борьба, а поэзия — занятием, соподчиненным этой борьбе. Чрезвычайно показательно, что только писательницей Синерво себя никогда не считала. В 1958 году она не без гордости заявила в одном из интервью: «С юных лет я была профессиональной революционеркой». И с точки зрения профессиональной революционерки писание стихов казалось «благородным любительством», как выразилась Синерво уже много позже, в 1977 году, в беседе со своими издателями из «Лав-кирьят». Благородным потому, что высока была цель, а любительством потому, что главной провозглашалась практическая борьба.

Здесь Синерво продолжала традицию, которую закладывали еще финские рабочие поэты начала XX века. Объяснив решительную войну эстетству, они тоже подчинили свое творчество политическим задачам классовой борьбы. Такая позиция вообще характерна для периодов повышенной политической активности литературы. В тридцатые годы ее усвоили писатели левого объединения «Кийла», но ни у кого другого из них она не проявлялась в столь резкой форме, как у Эльви Синерво. Арво Туртиайнен и Вильё Каяа тоже ратовали за социальную поэзию и боролись с эстетством, но все же о соподчиненном «любительстве» в поэзии избегали говорить.

В книгах Синерво писатель и борец сливаются в одно целое, и это определяет их темы, проблематику, стиль.

Отсюда вытекает еще одна характерная особенность творчества Синерво — его автобиографичность. Оно насколько автобиографично в том особом смысле слова, что на всем написанном ею лежит печать ее заинтересованного участия в борьбе, лично пережитого и выстраданного.

Эльви Синерво родилась в рабочей семье в Хельсинки 4 мая 1912 года. Ее отец был жестянщиком и кузнецом. После поражения рабочей революции весной 1918 года семья должна была спешно переселиться из Хельсинки в местечко Лаухиа, в родную волость отца в южной Приботнии, где он, бывший социал-демократический активист, рассчитывал с меньшим риском для жизни переждать разгул белогвардейского террора. Семья была многодетной, Эльви родилась шестым ребенком. Отец работал в деревне кузнецом, но через несколько лет умер. Этот сельский период в жизни родительской семьи послужил Синерво потом материалом для романа «Кузнец деревни Палава» («Palavankylän seppä», 1939).

После окончания лицей Синерво поступила в 1933 году в Хельсинкский университет, где изучала литературу и искусство. В том же году она стала женой Маури Рюйма, одного из организаторов марксистского кружка в университете, известного под названием «Академическое социалистическое общество». Си-

нерво сотрудничала в издаваемом этим кружком журнале «Сойхту», а также в левом литературном журнале «Кирияллууслекhti» (где она в течение ряда лет была ответственным секретарем редакции) и в социал-демократическом молодежном журнале «Тюэляйс-уорисо». В 1936 году она стала одним из учредителей и активным членом левого литературного объединения «Кийла». Синерво участвовала в многообразной деятельности «Кийла», направленной на укрепление контактов с рабочим движением; она выступала на литературных вечерах в массовых аудиториях, много внимания уделяла рабочему театру, играла в спектаклях. Живая идейно-политическая и культурно-просветительная работа среди масс имела для Синерво тогда первостепенное значение, чему способствовали и темперамент, и энергия молодости. Это отражалось также на ее творчестве.

Первой книгой Синерво стал вышедший в 1937 году сборник рассказов, объединенных общей темой, которой являлась жизнь рабочей бедноты. По названию одного из рассказов сборник назывался «Runo Sörnäisistä», то есть «Поэма о рабочем районе Сёрняйнен» (район Хельсинки). Синерво была и одним из авторов коллективного стихотворного сборника «Странствуй, юность» («Vaella nuoruus», 1939), а ее самостоятельные поэтические книги вышли уже после войны.

Синерво вспоминала, каким глубоким переживанием стало для нее в юности знакомство с марксизмом. В творческом отношении это также явилось переломным рубежом. Марксистское понимание истории придало литературным занятиям осмысленную целенаправленность. В особенности привлекала Синерво марксистская идея общественного развития, которая стала отправной в ее творчестве. При критическом отношении к настоящему акцент был на борьбе за социалистическое будущее. Этим творчество Синерво и других левых авторов «Кийла» принципиально отличалось от творчества тех финских писателей, которых чувство неудовлетворенности настоящим толкало к идеализации прошлого, к эстетизации природы и «природного человека» или к романтической экзотике дальних стран и сказочных миров. От этого ретроспективного утопизма Синерво оберегала ее вера в социализм, в революционное рабочее движение. Прошлое не идеализировалось ею, взгляд ее был обращен не вспять, а вперед. Развитие человечества представлялось не чем-то исчерпанным и завершенным в духе шпенглеровской морфологии истории. Реальная история развивалась по восходящей и обещала огромные возможности в будущем.

Уже в довоенном творчестве Синерво, в том числе в ее лирике, остро ставится проблема выбора индивидуумом позиции в общественной борьбе. По существу это главная ее тема, которая проходит в таких довоенных стихотворениях, как «Детство на городской окраине», «Красная повязка», «Мать», «Старый Миеттинен», «Трус» («Laitakaupungin lapsuus», «Runapinen pauha», «Aiti», «Vanha Mieltinen», «Pelkurit»). В них возникают картины суровой социальной реальности, поэтизируются гражданское мужество и верность революционному долгу, осуждаются малодушие и отступничество. Эта же тема получает своеобразное продолжение в романе «Кузнец деревни Палава». В центре романа судьба Германа Ринталуома,

бывшего красnogвардейца, теперь отца многодетной семьи. Его образ является в известном смысле противоположностью героическому идеалу, проблематика революционной морали ставится и решается от противного. Характер и поведение Германа, его прошлое и настоящее отмечены ущербной половинчатостью, от которой он страдает сам, и в его судьбе есть нечто трагическое. Обстоятельства жизни сильнее его воли, он не может противостоять им. В молодости он мечтал о деятельной жизни, вступил в рабочую партию; но реальная борьба была связана и с неудачами, его постигали разочарования, он не смог избежать влияния религиозных идей — исповедуемый им социализм получил окраску христианского социализма. Во время революции 1918 года он записался в Красную гвардию, помогал в некоторых делах, но от применения оружия воздерживался. Двойственным остается его поведение и после победы белых. С одной стороны, его осторожность, готовность к компромиссам вытекают из исключительности обстоятельств, из обстановки террора, но морально оправдать себя он не может, чувство ущербности гложет его. В горькую минуту он размышляет о себе: «Жизнь варила его не в одном котле, но получалось всегда нечто неопределенное, серединка на половинку: полукрасногвардеец, полуверующий, полуалкоголик...»

И все же общий колорит романа не пессимистический. Автор не признает фаталистической зависимости человека от обстоятельств, не признает безысходности. Достойный человека исход — борьба, суровая, упорная, требующая жертв. Уходят из дому старшие дети кузнеца, некоторые из них возвращаются сломленными жизнью, других она закаляет и увлекает вперед.

Следующий этап в биографии и творчестве Синерво составляют тюремные годы, совпавшие с периодом войны. Но прежде чем перейти к этому этапу, очень кстати привести выразительную цитату из выступления самой Синерво на тему «Об ответственности писателя» (1948), где она сопоставляла довоенный опыт с тем, что дали ей годы войны. Она говорила: «Для нас, социалистических писателей, тридцатые годы были трудными. Мы были вместе с рабочим движением, которое, однако, было парализовано. Вокруг мы видели людей, с отчаянным упорством боровшихся в тисках кризиса и фашизма, но мы видели и таких, кто не имел обо всем этом никакого понятия. Мы были молодые и жаждали действия, но возможностей у нас было мало. Приходилось говорить шепотом, когда хотелось кричать. Издатели не печатали нас, а когда и соглашались печатать, мы опять-таки должны были сдерживать себя, усмирять свои мысли и чувства. В итоге рождалось нечто похожее на недоношенное дитя. А с другой стороны, рабочие ждали и требовали от нас таких книг, для создания которых у нас не было ни условий, ни умения. Хорошо помню, как один молодой рабочий сказал мне в нашей беседе о писателе: «От тебя мы ждем изображения героев, которые бы вдохновляли нас на борьбу». Выполнение этого требования было выше моих сил. Во-первых, немислимым было даже само издание книги о таких борцах и героях, которых имел в виду он, — ведь тогдашний закон и единственно дозволенное тогда «общественное мнение» объявляли такую

борьбу преступной. Во-вторых, в жизни я тогда не видела таких героев — таких, о которых говорил он. В жизни я видела предельно угнетенных, подавленных и часто скваннанных людей. И я ответила тогда молодому рабочему: «Хорошо, я напишу о героях, когда увижу их. Если ты сам окажешься героем, напиши и о тебе». Случилось так, что во время войны он действительно проявил себя героически. Теперь я смогла бы написать о героях и героизме, а наряду с этим и об отсутствии мужества, о малодушии и бессилии. Написать обо всем этом — трудная и ответственная задача, требующая знания, таланта, честности. Прежде всего честности. Писатель обязан быть честным. Все его призывы прозвучат фальшью, если они не стали его сокровенным убеждением, выстраданным в борьбе, через опыт. Когда писатель честен и правдив, ему нечего бояться упреков в тенденциозности».

Это говорила уже не прежняя, довоенная Синерво, а писательница, прошедшая через опыт Сопротивления, через тюремные камеры, где она встретила с непосредственными борцами подполья, с людьми большого мужества.

За свою прогрессивную общественно-литературную деятельность Эльви Синерво была в 1941 году арестована. Еще раньше, во время советско-финской войны 1939—1940 гг., был арестован ее муж Маури Рюэмя (в мае 1940 его временно выпустили из тюрьмы, а затем вновь арестовали). Как и сотни других политических заключенных, Синерво вышла на свободу только осенью 1944 года, по условиям перемирия, после выхода Финляндии из войны.

В женской тюрьме города Хяменлинна, где оказалась Синерво, содержались также видные финские коммунистки, обладавшие идейной закалкой и опытом подпольной работы. В тюрьме они создали свою организацию, располагали способами получения информации, занимались политической учебой, интересовались вопросами литературы и искусства. Общение с этими людьми, атмосфера взаимной поддержки очень много значили для Синерво. Тюрьма стала для нее суровым испытанием и вместе с тем жизненной школой. Несмотря на все ограничения и запреты писать, тюремные годы оказались для Синерво плодотворными в литературном отношении. В тюрьме были написаны стихи, которые составили вышедший в конце 1944 года сборник «Облака» («Pilvet»), а также несколько пьес: двухактная пьеса для детей «Принцесса из Страны счастья и дети человеческие» («Onnenmaan kuninkaantytär ja ihmislapsset»), эта пьеса была поставлена в тюрьме силами политических заключенных весной 1944 года; одноактная пьеса «Большое дело» («Suuri asia», известна также под названием «Desanti» — «Разведчик-парашютист»); двухактная пьеса «Последний майский вечер» («Toukokuun viimeinen iltana»). В тюрьме был начат роман «Вильями Обмененный» («Viljami Vaihokas», написанный, однако, в основном уже на свободе и опубликованный в 1946 году. Пережитое и передуманное в тюремный период легло также в основу двух послевоенных произведений: повести «Товарищ, не предавай» («Toveri, älä petä», 1947) и пятиактной пьесы «Мир еще молод» («Maailma on vasta nuori», 1952).

В творчестве Синерво тюремного периода в чрезвычайно острой форме ставятся моральные проблемы, вытекающие из непосредственного участия окружающих ее людей в борьбе

двух миров. Финляндия воевала на стороне гитлеровцев против Советского Союза, единственной тогда страны социализма; борцы финского Сопротивления нуждались в четких, однозначных этических критериях — не для отвлеченных рассуждений, а для непосредственных и немедленных действий. Особенно в тех условиях от писательницы требовались и мужество, и настоящий темперамент борца, чтобы взяться, например, за разработку столь злободневного, политически острого сюжета, как в пьесе «Великое дело». Речь в пьесе идет об отношении к Советской стране и к войне против нее. Как и в некоторых других произведениях Синерво, в качестве общественной ячейки берется одна финская рабочая семья, которую война разделила, обескровила, обрекла на несчастья; из всей семьи в живых и на свободе остались одни только женщины. В пьесе упоминается, что отец в 1918 году был красногвардейцем; из двух сыновей один уже нашел смерть на войне против Советского Союза, другой ушел в ряды подпольного Сопротивления; зять за отказ воевать находится в тюрьме. Далекая от политики мать, подпольщица дочь, овдовевшая невестка не обнаруживают единодушия в том, как следует чтить память погибших родственников. Но вот к ним в дом приходит раненый советский разведчик, к которому они должны определить свое отношение. Женщины предоставляют ему убежище, хотя каждая из них руководствуется при этом своими мотивами.

Сюжет, связанный с подпольным движением Сопротивления, Синерво избрала и в пьесе «Мир еще молод», где он разработан более детально*. Герой пьесы подпольщик Матти Саукко, боровшийся за выход Финляндии из войны, гибнет в результате предательства. Синерво говорила, что пьеса была написана ею по велению внутреннего долга — в память погибших борцов, мужчин и женщин, которые «служили идее не на словах, а на деле».

Произведения Синерво тюремных лет, в том числе стихи, писались по властному социальному заказу. Как отмечала впоследствии сама Синерво, рождавшиеся в тюремных условиях стихи предназначались прежде всего для товарищей по борьбе, политических заключенных. Поэтесса предстает в них выразительницей коллективных чувств, коллективных испытаний и опыта. Стихи возникали из атмосферы боевой солидарности, и выражали они именно идею солидарности.

Разумеется, стихи Синерво тюремных лет вобрали в себя и личные боли. Где-то в другой тюрьме томился ее муж, на руках у родственников оставался маленький сын. Личное и общее переплелось, политическая действительность вторгалась в святая святых материнства, неволя и неизвестность омрачали самые интимные чувства. Арестантский быт, пребывание вместе с уголовниками заключали в себе немало унижительного, оскорбляющего человеческое достоинство, причиняющего страдание. Однако для гордого духа унижительным было само страдание, если оно оставалось пассивным, подрывающим волю к сопротивлению. В тюремных стихах Синерво нередко такие строки: «Постыдно страдание», «Я не смогла убежать в горы от позора моей одинокой боли», «Подобно жалким отрепьям,

я сброшу бремя страдания». Имеется в виду неприятие именно пассивного страдания, когда человек одинок и бессилен. Характерный для тюремных стихов Синерво нравственный максимализм придавал интимным темам особое звучание. Вот, например, очень своеобразная лирическая форма беседы с любимым и подчеркнута максималистская реакция на слова о нежности (стихотворение «В мои больные дни» — «Saigaina päivinäni»):

В мои больные дни
как я могу говорить о моей любви к тебе,
когда ложь и ненависть,
месть и смерть
сверлят мне уши днем и ночью?

Ты объясняешься со мной на странном
языке,
и я улыбаюсь,
но болью стиснуто сердце.

Отвернись... Не смотри на меня.
Во мне сейчас — все то, что ты презрел
и отринул.

Постыдно страдание,
когда, как и прежде, восходит и заходит
солнце.

Глупо одиночество,
когда из мрака тянутся сотни рук.

Не смотри сейчас на меня —
направь свой взор
к далеким солнечным тропам,
где мы однажды сложим песню
о новом человеке.

(Перевод Э. Карху)

В тюремных стихах Синерво многократно обращалась мыслью к Советской стране, к ее людям («Наталья», «Сборщица арбузов» и др.). Советский народ героически сражался с фашистскими полчищами, борьба требовала огромных жертв. В стихах Синерво были скорбные ноты, ее воображение рисовало картины страшного опустошения и человеческого горя. И в то же время Советский Союз оставался для нее источником великой надежды; главным в ее стихах был пафос активного жизнеутверждения. В советских людях Синерво видела новый тип людей, создателей и борцов, для которых не существует разрыва между словом и делом; в них воплощается сплав революционных идеалов и революционного действия. И строительство социализма в СССР, и героическая битва с фашизмом были для Синерво подвигами-деяниями, высшим проявлением исторической активности. Акцент на активности, на единстве идеалов и действий не был случайным, особенно если учесть острую полемичность многих стихотворений Синерво. Она продолжала спор с пассивно-созерцательным отношением к жизни, с либеральной фразой, с прекраснотушным «ничегонеделанием».

Примером такого спора может служить стихотворение «Август» («Elokuu»), в котором автор обращалась к «людям старого поколения»; из контекста следует, что эти люди были современниками важных событий, прежде всего в революционной России, однако они ничего не уразумели в них. Стихотворение полно иронии, которую можно почувствовать и в прозаическом переводе: «Начитавшись мудрых книг и усвоив, что мир подвержен переменам, вы стали ждать перемен. Книги

* В переводе на русский язык пьеса «Мир еще молод» опубликована в сборнике «Финская драматургия XIX—XX веков». М.—Л., 1960.

покрылись пылью, в ожидании и бездействии слабели ваши руки, вы и сами уже не понимали, чего следовало ожидать. А тем временем рядом, в стране ветров и солнца, возникал новый мир. И вдруг перед вами раскрылась книга жизни, написанная кровью, — ее строки обжигающие, суровы ее истины. Почему же вы теперь с криками испуга закрываете свои лица? Смотрите: юноши дерзко глядят в дула винтовок. Слышите: с полей войны доносится песня жизни. Не по цветам идут они — по морю крови; во взглядах гнев и скорбь — скорбь по павшим до наступления рассвета. Но песня их — о жизни, и они, победители, передадут грядущему опаленное в сражениях зная.

В поэзии Синерво военных лет, при всей обобщенности образов, ощущается дыхание непосредственных событий войны. Внутреннее состояние поэтессы, настроения печали или радости были откликом на фронтовые сражения, на изменение общего хода войны. Например, в стихотворении «Сборщица арбузов» («Arbuusityttö») отразилась горечь раннего периода войны, когда гитлеровские войска обладали техническим превосходством. В 1943 году, вскоре после крупной победы Красной Армии под Сталинградом, Синерво написала полное оптимизма стихотворение «Утро мира» («Maailman aamu»). О самой Сталинградской битве в стихотворении ничего не говорится, но оно пронизано радостным ожиданием конца войны, торжества свободы, в том числе свободы для политических заключенных в Финляндии. Настроение тогда, вспоминала Синерво, было такое, что тюремные ворота, казалось, вот-вот уже откроются. Из тюремной камеры она бросала в лицо врагам строки:

Двери на ключ заprite,
плотно, плотно заберите ставни,
бога молитесь: пусть длится ночь,
пусть она скроет позорные ваши деянья.

Света. Уже занялась заря.
Мы скоро придем — счастливые,
пройдем вдоль свежих могил,
где погибшие юноши
улыбаются в тесных гробах.
Мы скоро придем — могучие,
пройдем вдоль дымящихся сел —
и руины травой порастут,
и засвищет вешний скворец
над обгорелой скворечней...

Нас встретят улыбкой разбуженные
младенцы
в придорожных тесных лачугах,
и старик, приподнявшись на смертном ложе,
протянет руку, благословляя нас, —
в последний свой миг увидит он избавленье...

Мы придем — справедливые,
в страхе ночь улетает,
трепеща изодранными крылами.
Из края в край
ветры несут наш смех...

(Перевод А. Ревича)

После войны были опубликованы еще два сборника стихов Синерво: «Чернокрылая птица» («Oi lintu mustasiipi», 1950 г.; сборник вышел в одной книге вместе со стихами Арво Туртиайнена) и «Девичий источник» («Neidon-

kaivo», 1956). В первый из названных сборников вошли еще некоторые тюремные стихи (например, положенная на музыку и получившая популярность «Финская баллада» — «Suomalainen balladi»), но в основном сборник отражал уже надежды и тревоги послевоенного времени. В частности, заглавное стихотворение «Чернокрылая птица» было откликом на драматические события августа 1949 года в городе Кемпи, где полицейская расправа со стачечниками-демонстрантами привела к гибели двух рабочих.

Что касается стихотворной техники, то Синерво пользовалась и традиционными размерами, и верлибром. В некоторых стихотворениях сборника «Девичий источник», включая те, которые написаны калевальской метрикой, чувствуется влияние лейновской традиции в использовании фольклорных мотивов и поэтики. Синерво создает символический образ Песенной Матери (Maamme Runontekijä), слагательницы рун, носительницы векового народного опыта и знания. С лейновскими образами этот образ роднит именно жажда высокого гуманистического знания, верность идеалу гордых и сильных людей, умеющих ценить свободу. Очень по-лейновски подчеркивается в стихах Синерво мысль о том, что невозможно жить одним прошлым знанием, что через трагические противоречия и в трудной борьбе жизнь движется вперед. Вместе с жизнью подлинная поэзия всегда в движении.

Творчеству Синерво присуща романтическая устремленность в будущее, и вообще связь с романтизмом и романтической поэтикой ощущается во многих ее произведениях. Наряду с неоромантиком Лейно в поле ее зрения был Гейне. Но особенно близким ей был революционный романтизм Горького.

Следует сказать, что для левых писателей группы «Кийла» Горький являлся одной из центральных фигур среди пропагандируемых ими зарубежных художников. Авторитет Горького был высок особенно потому, что он воспринимался как представитель социалистической культуры великой страны. Горького знали в Финляндии и прежде, еще в начале века о нем писала как рабочая, так и буржуазно-либеральная печать (дифференцированное отношение к нему тогда только начинало складываться). Естественно, что в 30—40-е годы, когда имелся уже богатый опыт строительства социалистической культуры в СССР, Горький воспринимался финскими левыми принципиально по-новому — как основоположник литературы нового общества, как ее крупнейший классик и патриарх. В связи с кронической Горького журнал «Кирьяллисууслекhti» посвятил его памяти специальный номер (1936, № 10—11). А в следующем году специальный номер (18—20-й) был посвящен Советскому Союзу в целом, и в этом номере также уделялось внимание Горькому. Члены объединения «Кийла» поставили в 1936 году в рабочем театре в Хельсинки пьесу Горького «Егор Булычов» (Синерво играла роль Шуры). Для Синерво-писательницы творчество Горького стало предметом продолжительного увлечения, которое проявлялось по-разному. Влияние Горького, то явное, то более скрытое, ощущимо во многих произведениях Синерво, особенно в ее прозе и драматургии. В 1947 году Синерво опубликовала повесть «Маленький Алеша» («Pikku Aljosha»), написанную непо-

средственно по мотивам автобиографической повести Горького «Детство». Хотя и не на столь прямую, но все же существенную связь с Горьким указывает и подзаголовок романа Синерво «Вильями Обмененный» — «Повесть о юноше, который хотел стать как Данко».

В этом «романе воспитания» с остроконтрастным сюжетом писательница умело использовала многое из традиционной поэтики романтической сказки-легенды и приложила немало усилий, чтобы добиться единства стиля. В основном она преуспела в этом. Ей удалось искусно соединить сказку и реальность, иронию и патетику, смешное и трагическое. В мире детских фантазий, ожиданий и страхов героя вторгается жизнь, и если она в чем-то решительно расходится с его представлениями, то в чем-то и карикатурно похожа на них. Например, когда Вильями поступает в школу и впервые сталкивается с тем, как на уроках и в учебниках рассказывается о Советском Союзе, это очень напоминает мальчику сказки о пожирающих детей злых драконах — примерно такими же приемами пользовалась тогда антисоветская пропаганда, изображая ужасы в «стране заклятого врага».

Но вопреки лжи, ранним невзгодам и унылой серости будней в мальчике живет мечта о правде, добре, счастье. В соответствии с возрастными этапами его развития мечта выражается по-разному. Это и наивно упрямое, едва не приведшее к гибели мальчика желание найти чудесную морскую раковину с прекрасной музыкой. Это и доверительное отношение «уходящего в люди» подростка к напутственным словам старого жестянщика о том, что «похожие на Данко люди есть и теперь», только надо, чтобы посчастливилось их встретить, а в случае ошибки не терять надежды. Это и крепкие узы боевого товарищества, связавшие юношу Вильями с борцами Сопротивления. Из-за предательства их арестовывают, Вильями гибнет в тюремном застенке, но ничто не может убить его веры в идеалы борьбы.

По своему типу герой романа Синерво до некоторой степени напоминает прежних романтических героев-странников, недовольных своим окружением и в вечных странствиях ищущих счастья. Хотя и отдаленно, Вильями чем-то похож, например, на странствующего Олави из романа Йоханнеса Линнанкоски «Песнь об огненно-красном цветке». Олави нашел счастье в преодолении самого себя, своих былых ошибок. Иначе происходит с героем Синерво. Когда-то мальчику Вильями очень хотелось отыскать своих настоящих родителей, но, оказавшись однажды в их доме, он не нашел там ни ласки, ни радости и поспешил уйти неузнанным. Чувство духовного родства, товарищества и смысла жизни он обрел среди борцов-подпольщиков.

Творчество Синерво, как уже отмечалось, пронизано и одухотворено идеей активного социального действия. Пафос действия — ключ к пониманию ее творчества, главная его особенность. Она выступила в период, когда борьба с фашизмом требовала действий решительных и коллективных, объединенными усилиями всех честных людей. Отсюда в самом ее способе изображения людей акцент делается на том, что их объединяет, а не разъединяет. Хорошо сказала об этом сама писательница: «Всю мою жизнь я наблюдала людей. Но не столько с точки зрения их индивиду-

альной психологии, а чутьем отыскивая в людях то, что в них есть общего. Поэтому я отдаю предпочтение такой литературе, которая содержит в себе некую объективную правду о человеке именно в плане общественного движения, в плане того, как люди совершают выбор. В какой мере на жизнь людей влияют случайности и другие факторы, насколько свойственно им инстинктивное стремление самоопределиваться в «железном потоке» социальной действительности».

У Синерво есть стихотворение под названием «Железный поток» («Rautainen virta»), в котором очень хорошо переданы и непосредственная связь ее поэзии с главнейшими событиями жизни, и присущий ей пафос социального действия.

Все сегодняшние события, все завтрашние
события
пусть протекут сквозь меня железным
потоком,

потоком огненным и ледяным,
чтоб я говорила одну-единую правду,
чтобы не только о себе говорила
и, когда нарезаю хлеб для своих детей,
чтоб вспоминала о тех, кому не хватает
хлеба,

чтоб не могла забыть в своем уютном
жилище
о бездомных изгнанниках, о преследуемых
беззаконьем.

Пусть мои руки, не привычные к черной
работе,

вечно чувствуют братское рукопожатье
рабочих ладоней,

ведь в минувшие, в горячайшие дни
ощущала я теплоту этих добрых, тяжелых
рук.

Пусть мой взор не стремится к ласточкам
и облакам,

а проникает в самую суть событий земных
и сквозь нынешнюю тину — в грядущие дни.

Пусть все, что происходит с людьми,
происходит со мной и течет сквозь меня
железным потоком,

чтобы стала я чистой и честной,
как чиста и честна
борьба человека за хлеб и свободу.

(Перевод А. Ревича)

Из всего сказанного должно быть ясно, что творчество Синерво неотделимо от породившего его времени, от социального заказа эпохи, когда первой задачей являлась борьба с фашизмом.

Однако творчество Синерво исторично отнюдь не в архивном смысле. Оно не утратило своей актуальности, не превратилось в мертвую окаменелость, хотя на разных этапах отношение к нему менялось, что было своеобразным барометром общего состояния литературы.

В пятидесятые годы, в десятилетие «прорыва модернизма» в финскую литературу, когда стало в моде формалистическое экспериментаторство и шумно отрицались все традиции, в особенности реалистические, остросоциальное творчество Синерво оказалось временно отстраненным на второй план.

Но уже в шестидесятые и затем в семидесятые годы, в связи с усилением левого движения среди финской художественной интеллигенции, интерес к наследию Синерво заметно оживился. Левые композиторы стали пи-

сать песни на ее стихи, театры (в том числе самодеятельные) обратились к ее пьесам. В течение 1977—1980 гг. левое издательство «Лав-Кирьят» переиздало в пяти книгах все произведения Синерво — стихи, рассказы, повести, романы, пьесы. И хотя на книгах нет грифа «собрание сочинений Эльви Синерво», фактически издание является таковым и впервые дает столь целостное представление о творчестве писательницы.

Кстати сказать, само возникновение в 70-е годы издательства «Лав-Кирьят», выпустившего пятитомник Синерво, является частью усилившегося левого движения, откликом на его нужды. Главной своей задачей издательство поставило выпуск таких книг, которые дали бы современным читателям представление о прогрессивных традициях в финской и мировой культуре. Были изданы, в частности, книги Майю Лассилы и Хеллы Вуолиёки, Сергея Эйзенштейна и Жана Ренуара, «Железная пята» Джека Лондона и лучшие социальные романы Б. Травена. В 1980 году издательство выпустило сборник критических статей Р. Пальмгрена, впервые опубликованных в тридцатые годы. Сборник интересен в особенности тем, что молодой Р. Пальмгрен был одним из немногих в те годы финских критиков, избравших марксистское направление.

И пятитомник Эльви Синерво, и упомянутый сборник Р. Пальмгрена, и некоторые другие издания (например, выпущенная издатель-

ством «Тамми» литературно-критическая антология «Борющаяся критика», которая включает социалистически ориентированную критику XX века) сегодня приобретают значение очень ценного и актуального литературного наследия. Уже одно то, что такое наследство существует и что оно не забыто, становится важным фактором современной литературной жизни. Упомянутые книги наглядно показывают, какая глубокая преемственность связывает сегодняшних левых авторов с левыми писателями предшествующих десятилетий, в том числе с теми, которые, подобно Э. Синерво и Р. Пальмгрону, пришли в литературу в 30-е годы и участвовали в борьбе с фашизмом. Разумеется, время теперь другое и полной аналогии с прошлым быть не может. Но есть немало схожих проблем, и ясно, что прогрессивных традиций, накопленного опыта борьбы нельзя забывать.

В этот опыт с полным правом входит и литературное наследие Эльви Синерво. Сегодня о ее книгах все чаще говорят как о живой классике. В 1980 году Синерво была присуждена одна из самых почетных литературных премий в Финляндии — премия Эйно Лейно. Как подчеркивается в решении жюри, «ее писательская судьба, пройдя через горькие испытания века, вызывает и к сегодняшнему дню... Нам, свидетелям скрытого и открытого насилия, ее произведения говорят о необходимости мира».

Главный редактор Д. Я. ГУСАРОВ.

Редакционная коллегия: Э. Л. АЛТО, П. С. БОРИСКОВ, Н. К. ЖЕРНАКОВ, Н. А. ЖУРАВЛЕВ, В. В. КОРОТАЕВ, О. Д. ЛЕОНОВ, А. М. ЛИНЕВСКИЙ, Г. В. МАЛЫШЕВ, О. И. МИШИН, С. А. ПАНКРАТОВ, Л. Я. РЕЗНИКОВ, И. К. РОГОЩЕНКОВ, А. А. РОМАНОВ, Б. С. РОМАНОВ, А. П. СУРЖКО (отв. секретарь), О. Н. ТИХОНОВ (зам. гл. редактора), Г. А. ЮШКОВ.

Техн. редактор В. Н. Куринная. Корректор Е. М. Николаева.

Рукописи объемом меньше авторского листа не возвращаются.

Адрес редакции: 185670, г. Петрозаводск, ул. Пушкинская, 13. Телефоны: 7-47-36 (гл. редактор), 7-47-37 (зам. гл. ред., отделы прозы и публицистики), 7-94-94 (отв. секретарь, отделы поэзии и критики).

Сдано в набор 22.02.82. Подписано к печати 15.03.82. Е-01526. Формат 70×108^{1/16}. Печать высокая. Усл. печ. л. 11,2. Усл. кр.-отт. 12,91. Уч.-изд. л. 14,8. Тираж 21 000. Заказ 402. Изд. 42. Цена 65 коп.

Издательство «Карелия»,
185610, Петрозаводск, пл. Ленина, 1
Карельская ордена «Знак Почета»
типография имени Анохина Управления по делам
издательств, полиграфии и книжной торговли
Совета Министров Карельской АССР,
185630, г. Петрозаводск, ул. «Правды», 4.